

носова. А Ломоносов едва ли настаивал на невозможности стихотворного перевода стихов. Видимо, первый пункт приведенной Третьяковским критики на него принадлежит Сумарокову. Именно он сомневался в успехе стихотворных переводов. И в этом заключалось его «пристрастие».

Правомерность предложенного прочтения этого места статьи Третьяковского подтверждается рядом косвенных доказательств. Речь идет о «Науке поэзии» Буало, к переводу которой Сумароков никак не мог отнестись беспристрастно. Незадолго до работы над переводом Третьяковского Сумароков первым познакомил русского читателя со сводом законов поэзии классицизма по Буало, переложив его «L'Art poétique» на русский язык в эпистоле «О стихотворстве» (1747). Полный и точный перевод Буало вступал в состязание с трудом Сумарокова и, очень возможно, был вызван именно им. Третьяковский находил эпистолу, как и все «сочинения» Сумарокова, исполненной «великих недостатков», об этом он в разных местах говорит в «Письме от приятеля к приятелю» (1750), в которой она осталась неразобранной, вопреки первоначальному его намерению, *из-за возникшей усталости после разбора двух од и одной трагедии*: «...окончиваю рассмотрение мое об авторовых сочинениях. Поистине, государь мой, я и от половины, по несчастию моему, устал. Но что ж бы то было, ежели б мне и другую половину трудов его, по обещанию моему, разбирать? Однако вы ничего от того не могли потерять: все его как оставшиеся сочинения, так и впредь будущие, все, доношу я, равныя находятся и будут силы».¹³ Третьяковский скептически отнесся к переложению Сумарокова «Науки о стихотворстве», Сумароков, зная Буало, вероятно, почти наизусть, не мог принять тяжеловесных русских стихов за равноценные французскому оригиналу. Перелагая, а не переводя Буало, Сумароков, вероятно, намеренно избегал той великой трудности, которую являет собой перевод признанного и хорошо знакомого многим произведения. Оценить может быть и не столь очевидный, но несомненный успех Третьяковского, переведшего «Науку» стих в стих и чрезвычайно точно (это самый точный из переводов на русский язык знаменитой поэтики), Сумароков не хотел и не мог. В его глазах опыт Третьяковского только доказывал, что стихотворный перевод не сохраняет «силу и красоту подлинника» и что избранный им самим способ передачи «Науки» много более выигрышный. Он не был в творчестве Сумарокова исключением. Не занимаясь, сколько известно, в 1740-е гг. переводами, Сумароков часто в первое десятилетие своего творчества прибегал к переложениям. На это об-

¹³ Третьяковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне в свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю... // Куник А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук. СПб., 1865. Ч. 2. С. 495.